

Матвиенко Евгений Алексеевич,

кандидат философских наук, доцент, начальник
кафедры философии Волгоградской академии
МВД России

Права человека как идеология вестернизации

Проблема идентичности чрезвычайно остро стоит сегодня практически для всех стран и народов. Западная цивилизация, захваченная бурным потоком постсовременности, все в большей степени отказывается от тех ценностей, благодаря которым она вообще смогла состояться как таковая, обрести и поддерживать культурную идентичность. Имеются в виду ценности в основе своей христианские, относительно которых еще несколько десятилетий назад сохранялся определенный общественный консенсус (в рамках которого, заметим, вполне находили себе место и религиозные фундаменталисты, и атеисты либерального или социалистического толка).

Однако с 60-х годов прошлого столетия наблюдается все ускоряющийся процесс размывания этого консенсуса, связанный, прежде всего, с глубочайшими технологическими сдвигами, становлением общества потребления, развитием различных вариантов контркультуры. В конце 70-х «с подачи» Ж.-Ф. Лиотара этот новый этап в развитии общества получает название постмодерна. Его сущностью (хотя сами постмодернисты от анализа каких-либо сущностей принципиально отказываются) выступает отмена каких бы то ни было общеобязательных норм и ценностей. Каждый волен целиком и полностью определять свою жизнь и себя самого. Говоря языком социологии, предписанные социальные статусы подлежат вытеснению достигаемыми. Причем со временем такое вытеснение должно стать полным и окончательным. Предметом личного выбора становятся не только профессия, место жительства, политические убеждения, вероисповедание, но и такие фундаментальные социально-биологические характеристики, как, скажем, сексуальная ориентация и даже пол (повсеместно на Западе вытесняемый понятием «гендер»).

Коренным недостатком постмодернизационного проекта является то, что, снимая (в пределе) с человека все ограничения и обязательства, принципиально вынося его за любые рамки, его лишают и какой бы то ни было устойчивости и определенности, тем самым проблематизируя человеческое бытие как таковое. Чтобы быть, надо быть кем-то. Это утверждение тем более справедливо, если вспомнить, что мы сегодня обречены существовать в «обществе риска» (понятие которого подробно рассмотрено, в частности, У. Бекон)¹. Наше существование, несмотря на все достижения человеческой цивилизации, оказывается по ряду параметров куда более хрупким и неустойчивым, чем в предшествующие эпохи. Соответственно, куда сильнее и потребность в обретении устойчивой основы человеческого бытия как социального, так и индивидуального.

В этой связи видится совсем не случайным тот факт, что параллельно лавинообразному нарастанию постмодернизационных тенденций «коллективный Запад» все активнее «поднимает на щит» идею «прав человека». Действительно, носителем последних как раз и выступает, по крайней мере, тот полностью вырванный из социального контекста индивид, тот «человек вообще», который и является, по-видимому, конечным (и при этом, на наш взгляд, сугубо отрицательным) результатом торжества постмодерна. Его (все расширяющиеся) права провозглашаются столь же универсальными, сколь и абсолютными. Обладание этими правами хоть как-то привязывает индивида к социуму, порождает некое квазиединство с другими их носителями. В то же время очевидно, что гипертрофированное развитие указанных «прав» в конечном счете скорее отдаляет людей друг от друга, способствует дальнейшей атомизации общества (и без того уже достигающей опасных значений). Сомнение в значимости идеи прав человека для любого индивида и любой культуры в медийном пространстве Запада воспринимаются как нечто абсолютно недопустимое. Такого рода сомнения трактуются, в лучшем случае, как свидетельство «отсталости», в худшем — как попытка покушения на некие «общечеловеческие» ценности.

Роль выразителя последних Западная цивилизация, без тени сомнения, принимает на себя. Соответственно, по-прежнему идущий (хотя и резко замедлившийся в последнее время) процесс глобализации — процесс конституирования единого человеческого сообщества, также должен «скроить» человечество по лекалам актуальной Западной культуры. Следует подчеркнуть, что, хотя глобализация по сути своей есть процесс объективный, его конкретные формы могут иметь

¹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. Москва: Прогресс-Традиция, 2000.

характер исторически случайный, определяемый, в частности субъективно теми или иными социально-историческими акторами — элитами, лидерами (в том числе религиозными), наиболее мощными национальными государствами или, как сегодня, так называемым «мировым сообществом».

Последнее понятие, как хорошо известно, представляет собой эвфемизм для обозначения США и их союзников. Глобализация же под их давлением во многом превращается в вестернизацию, в агрессивное навязывание всему миру западных норм и ценностей, западной культуры в целом. Последние при этом идеологически камуфлируются, сугубо европейское выдается за общечеловеческое.

«Цвета» этого камуфляжа достаточно разнообразны. В 50-70-е годы прошлого века — в период становления неоколониализма — на первый план выдвинулась теория модернизации. Она наделила Запад статусом авангарда человечества, обрекая всех остальных на роль учеников в деле построения «современного» общества. Эта теория очевидным образом выражала интересы бывших метрополий, терявших прямой военно-политический контроль над колониями и стремившихся заменить его контролем экономическим и идейным.

В 80-е годы — в период кризиса и последующего коллапса мировой социалистической системы, совпавшего с крушением авторитарных режимов в целом ряде стран Юго-Восточной Азии и Латинской Америки, — большое внимание уделяется транзитологическим концепциям. Они постулируют неизбежность и благотворность перехода к политической демократии (в ходе которого, опять-таки, Западная цивилизация может и обязана помочь странам, в которых этот переход почему-либо затягивается).

На волне эйфории, вызванной (неожиданно быстрой и полной) победой в холодной войне, Запад на короткое время отбрасывает риторические ухищрения и прямо заявляет, что Западная (и прежде всего — американская) культура является, безусловно, предпочтительной (о чем ее представители знали всегда, а все остальные поняли только теперь). Наиболее известным адептом этой концепции выступает Фрэнсис Фукуяма¹. Но вскоре после этого Сэмюэль Хантингтон в своей не менее известной книге возвращает западные элиты с небес на землю². Становится ясно, что до конца истории еще далеко, более того — межкультурная конкуренция приобретает куда более острый, чем раньше, характер.

Этот факт вновь ставит в повестку дня задачу обоснования претензий Западной цивилизации на историческое лидерство в мировом масштабе и возвращает нас к учению о «естественных», «неотчуждаемых», а главное — «универсальных» правах человека. Именно эта теория, на наш взгляд, выступает сегодня идеологическим каркасом того проекта глобализации, который активно продвигается Западом — глобализации как вестернизации.

Идеология понимается нами в марксистском духе, то есть как система представлений и ценностей, выражающая интересы определенных социально-исторических сил. Силы эти могут быть внутренне неоднородны. Так, классический либерализм, будучи в сущности своей идеологией буржуазии, на определенном (и достаточно длительном) историческом этапе выражал вместе с тем интересы всего так называемого «третьего сословия» (включая крестьян, ремесленников, нарождающийся пролетариат), дискриминируемого в условиях феодального общества. Аналогично этому, теория универсальных прав человека выражает сегодня прежде всего интересы транснациональной экономической и политической элиты стран «золотого миллиарда». Но вместе с тем — и интересы значительной части населения этих стран, опосредованно получающих свою долю прибыли от эксплуатации населения «мирового Юга» (в частности, через распределительные механизмы социального государства).

Можно сопоставить этот «альянс» с эпохой вызревания империализма второй половины XIX — первой половины XX века. Его социально-политическая сущность, по мнению Ханны Арендт, как раз и заключалась в союзе стремящейся к сверхприбылям буржуазии и нацеленных на успех любой ценой достаточно широких масс населения, для обозначения которых используется понятие «чернь». Идеологической основой этого союза стал агрессивный национализм, приведший мир к эксцессам колониализма и социальным катаклизмам XX столетия³.

Сегодня мы имеем во многом сходную картину. Правда, на смену национализму пришел «западоцентризм». В наши дни Запад уверяет в своем превосходстве других (и уверяется в нем сам),

¹ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. Москва: АСТ, 2010.

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Москва: АСТ, 2006.

³ Арендт Х. Об империализме // Арендт Х. Скрытая традиция. Москва: Текст, 2008. С. 13—38.

апеллируя прежде всего к тому факту, что именно он провозгласил и реализовал на практике «права человека». Их (нередко мнимое) нарушение дает право (и даже возлагает обязанность!) осуществления разного рода «гуманитарных интервенций», служит предлогом для беззастенчивого давления на другие страны с целью продвижения своих геополитических и геоэкономических интересов. По сути, тезис о необходимости защиты прав человека превратился в смысловой и функциональный аналог тезиса о «бремени белого человека», дававший европейцам карт-бланш для проведения активной колонизаторской политики.

При этом само содержание «прав человека» все более размывается. «Права, сведенные к простому каталогу желаний... постоянно размножаются, и больше уже никто не ставит вопрос об их истинном основании»¹. По сути, любое желание, любую прихоть, любую потребность (в том числе нездоровую, а то и прямо извращенную) пытаются сегодня подать (и продать!) в качестве очередного «права человека», что разрушает, в конечном счете, саму Западную цивилизацию². Вакханалия толерантности при этом активно поощряется элитой — отчасти потому, что она сама захвачена экстазом вседозволенности, разрушения всех и всяческих табу, а отчасти и потому, что чем больше «прав» возводятся в ранг «естественных» и «универсальных», тем проще найти повод для вмешательства в дела тех стран, где эти «права» якобы нарушаются.

При этом, как и любая идеология, теория универсальных прав человека представляется большинству своих приверженцев истиной в последней инстанции. Такая истина уже не требует обоснования, она превращается в допущение парадигмального уровня. Европейский или американский обыватель искренне негодует по поводу нарушения прав человека в Китае, России, Венесуэле или Саудовской Аравии. Он (субъективно), действительно, хочет сделать жизнь людей в этих странах лучше. Но объективно подобного рода критика выступает, как правило, лишь средством защиты интересов глобального (преимущественно Западного) капитала, часть прибылей которого достается и европейскому или американскому обывателю.

Лишь немногие трезво мыслящие теоретики на Западе осознают, подобно Алену де Бенуа, что «идеология прав человека является плодом Просвещения и что сама идея прав человека относится к специфическому горизонту западной современности»³. Еще меньше исследователей, по понятным причинам, готовы об этом откровенно говорить. Однако из-за пределов Западной культуры идеологическая подоплека «обеспокоенности правами человека» видится вполне ясно.

Сказанное вовсе не означает, что права человека не нуждаются в защите, что за пределами Запада жизнь, свобода, собственность, равенство и справедливость, наконец, стремление к счастью не важны для людей. Утверждать это было бы очевидным абсурдом. Но не менее очевидно и то, что теория и практика прав человека в ее Западной форме для большинства других культур неприемлема. Их целью должно стать нахождение (в том числе и с помощью философского дискурса) собственных моделей содержания, форм выражения, реализации и защиты прав человека.

Горбачева Светлана Вячеславовна,

кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета, ученый секретарь Ученого совета Нижегородского института управления — филиала РАНХиГС

Профессиональное правосознание и юридическое образование в условиях правового государства

Конституция Российской Федерации в части 1 статьи 1 закрепляет статус России как правового и демократического государства. В качестве базовых составляющих государства, которое в полной мере может относиться к категории «правовое», отечественные исследователи не всегда едины в своих научных позициях. Так, М. В. Антонов полагает, что разработчиками Основного Закона отнюдь не предполагается создание, совершенствование развитие России именно как правового государства. Данный факт констатируется как данность без расширительного толко-

¹ Де Бенуа А. По ту сторону прав человека. Москва: Институт Общегуманитарных исследований, 2015. С. 96.

² См. подробный анализ указанной тенденции в работе Д. Мюррея «Безумие толпы: как мир сошел с ума от толерантности и попыток угодить всем». Москва: РИПОЛ Классик, 2021).

³ Де Бенуа А. Указ. соч. С. 64.